

СОВЕТСКАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА.

Суверенитет и народность

Арсений Александрович Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк», кандидат
филологических наук, Москва

Одна из ключевых особенностей советской цивилизации — одновременное развитие высокой, просветительской и массовой культуры. Автор полагает, что без развития последней в современном обществе невозможно достижение культурного суверенитета. Изучение образов советской массовой культуры в школе — актуальная задача. Без внимания к этой материи мы не сможем полноценно изучать ни историю, ни литературу XX века.

• массовая культура • культурная идентичность • связь поколений • история СССР • массовые ценности • советская цивилизация

Чем же отличалась советская система от предшественников и других политических режимов? Поговорим о самом принципиальном. Пришедшие к власти сторонники построения нового мира сразу взяли на себя, как казалось, неподъёмные обязательства по народному просвещению. До 1917 г. власть и её идеологи относились к широким образовательным программам не без опаски. То пытались их развивать, то приостанавливали, перепоручая эту социальную нагрузку церкви. Не было понимания, что без массового (именно массового!) среднего и высшего образования страна обречена на поражение, на те самые великие потрясения, которых так боялся видевший революцию в лицо

Пётр Столыпин. Напротив, каждое училище, каждый университет многие рассматривали как источник неблагонадёжности, революционной опасности. Во многом так и было. Советская система вызревала десятилетиями — и главным образом в образованной среде. Разумеется, с противоречиями, с междоусобной борьбой. Но вызревала. Она не была случайным явлением.

Ностальгия по СССР не иссякает и — хоть поверьте, хоть проверьте — будет только увеличиваться с годами. И не только потому, что, по определению Пушкина, «настоящее уныло <...> что пройдёт, то будет мило». Слишком много было в советской реальности драгоценного, важного, того, что было утрачено сразу после распада Союза. Определение «советский человек», «человек советской

выучки» означают надёжность и профессионализм, которых и близко не удалось достичь на постсоветском пространстве. Первая попытка построить справедливое и просвещённое общество «разбилась о быт». Но советская традиция (кто, если не она?) учит нас стратегическому оптимизму, учит верить в человека, в его непобедимый разум. Отказ от этого наследия ещё никому не приносил счастья. И важная часть этого наследия — массовая культура, самобытная, новаторская и любимая миллионами людей. Ничего подобного не было в царской России. Ничего подобного нет у нас сегодня. В значительной степени именно она сформировала ту историческую общность, которую мы называем советским народом. А эта общность, вопреки мнениям националистов всех мастей, была и есть. Массовой культуре мы и посвятим наши юбилейные рассуждения.

* * *

Заповедь «Не сотвори себе кумира» давным-давно потерпела крах. Тому порукой — монархи, деспоты, властители дум, а в последние годы — звёзды шоу-бизнеса. Ко всем им слово «кумир» прилипло прочно. Если говорить о кумирах как об изображениях языческих богов — то и они невредимы, а в последние века к ним присоединились тысячи скульптурных памятников. Не менее влиятельны и любимцы публики, законодатели мод.

В истории культуры этот феномен занимает почётное место. Многие пути-дороги, значимые для нашей цивилизации, сходятся к массовой культуре XX в. Без представлений о ней, без её апологетики и критики нам трудно будет понять и культурную, и социально-политическую реальность современной и будущей России.

Оговоримся сразу: терминология всегда условна. Разные люди в разных обстоятельствах придают одному и тому же термину различные оттенки смысла. Такое положение дел нужно непременно учитывать при изучении массовой культуры.

Исследователи выделяют три формы культуры: элитарную (высокую), массовую (популярную) и народную (фольклорную). Между ними нет непреодолимых барьеров, они развиваются

в режиме взаимного влияния. Феномен массовой культуры окружает нас ежедневно. С детских лет и до глубокой старости. Но эта ситуация сложилась сравнительно недавно — во второй половине XIX в. «Как коммерческий товар для развлечений, искусство всё чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды... Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации», — формулировал Питирим Сорокин. К началу XX в. это явление стало более влиятельным, чем фольклор.

Конечно, и до этого рубежа существовали и литературные произведения, и песни, и спектакли, влиявшие на массовое мировоззрение. Существовала и государственная пропаганда, и коммерческая реклама, и карикатуры, и популярные песни... Процветала — с античных времён — мода, весьма влиятельная дама. И это важный фактор в предыстории массовой культуры.

Первым «массовым» романом нередко называют «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Ключевая книга для нового времени, в которой показан умелый, неунывающий и мыслящий человек, самостоятельно преобразующий мир вокруг себя.

Мастером массового жанра был Александр Дюма, писатель, поставивший на поток производство интригующих исторических романов, стремившийся — и не без успеха — к широкой популярности. При этом Дюма удалось создать архетипические образы, без которых и два века спустя невозможно представить ни французскую, ни мировую культуру. Д'Артаньяны и графы Монте-Кристо по-прежнему необходимы. Такую литературу называли «непритязательной», «низкопробной», даже

«подлой». Потом выяснилось, что «низкая» культура тоже может и должна быть явлением высокой пробы.

* * *

В России в начале XIX в. играл лубок — ходовой товар на любой ярмарке. Это была своеобразная массовая литература, схожая с комиксами. Популярность «потешных картинок» была поистине всенародной. В сферу внимания лубка попадали исторические сюжеты, крестьянское житьё, знаменитые люди, большие города, дикие звери, судебные тяжбы... Существовали лубки-азбуки, лубки-календари, сказки, песенники.

Николай Алексеевич Некрасов сетовал:

*Эх! эх! придёт ли времечко,
Когда (приди, желанное!...)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесёт?*

О чём это? В те годы офени — бродячие торговцы печатной продукцией — наводнили рынок портретами колоритного прусского фельдмаршала Блюхера. Что до милорда — тут речь о лубочных изданиях книги Матвея Комарова «Повесть о приключении аглицкого милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе». Лев Толстой назвал Матвея Комарова «самым знаменитым русским писателем». И не зря. Почти столетие его неприязнительные сочинения оставались востребованными в среде немногих нашенских грамотеев. Кроме пресловутого «Милорда», это, например, «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора <...> Ваньки Каина <...> второго французского мошенника Картуша» (1779–1794); «Описание тридцати старинных свадеб великих князей и государей» (1785); «Невидим-

ка, история о федеком королевиче Аридесе и брате его Полунидесе, с разными любопытными повествованиями» (1789).

Н. А. Некрасов грезил, что когда-нибудь столь же широкую известность получат настоящие писатели. Отчасти эта мечта сбылась. Русская классика стала массовой, школьной. И это, несомненно, изменило наш мир к лучшему. Но «Милордов» и «Блюхеров» стало гораздо больше. Индустрия массовой литературы в XX в. только разрасталась. Создавались индустрии досуга, развлечений, туризма, спорта, пропаганды, рекламы. Внедрялись конвейерное производство и стандартизация, это касалось и литературы, и искусства...

Россия оставалась крестьянской долго. А крестьянское большинство до 1920-х гг. оставалось почти не вовлечённым в процессы потребления и формирования массовой культуры. С того времени и начинается расцвет советской массовой культуры, обретшей огромную аудиторию, прежде всего с помощью радио. Возникло понятие «культурная революция». В последние годы мы редко употребляем его по отношению к отечественной истории, но появилось оно именно в Советском Союзе.

Среди ярких, влиятельных предтеч современной массовой культуры — и античный театр, и упрощённое богословие, адресованное широким кругам паствы. Но главный пласт — это фольклор, устное народное творчество. У тогдашних «звёзд» сцены и арены была сравнительно узкая (хотя и шумная!) аудитория. А народные массы приобщались к домотканым песням и сказкам, загадкам и скороговоркам — от родителей и дедов. Реже — от полупрофессиональных сказителей, звёзд народной массовой культуры.

Когда цивилизация становится городской — вместо фольклорных напевов появляется голос радио. И даже детские сказки приходят к детям новейшего времени не только из уст бабушек и дедушек, но и по радио, с пластинок, со сцен детских театров. Так, в индустриальной

цивилизации массовая культура занимает место фольклора. Всё окончательно изменилось в период двух мировых войн. Этот феномен не состоялся бы без средств массовой информации — таких как печать, радио, телевидение. Массовая культура оказалась важнейшим оружием в борьбе за умы. В США давно уже стало расхожей истиной, что мировое значение голливудского кино — одного из главных достижений американской цивилизации, если угодно, — орудие империализма, технология — и весьма успешная — промышленной обработки сознания. Эту мысль можно прочитывать в научном трактате, услышать в предвыборном выступлении политика...

О том, как меняются человек и общество в условиях индустриализации, урбанизации и небывалого резкого роста населения планеты, рассуждал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. Одна из тенденций, возникших в это время, — отказ миллионов «новых людей» от традиционных норм общественной морали, сложившихся в контексте, который стал архаичным. Этот феномен философ назвал «восстанием масс». Он отмечал торжество бездуховного, лишённого каких-либо стремлений человека-обывателя... Это массовый человек — потребитель массовой культуры.

В то же время философ говорил и о новых возможностях манипуляции массами, которые возникли у государства (а также у финансовых и торговых монополий — добавим мы) в индустриальный век. Он скептически оценивал сложившееся положение и отводил решающую, творческую роль в истории не массам, а «элите», которая «проводит жизнь в служении». «Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить её чему-то высшему», — писал он о таких демиургах [1]. Этой благородной до приторности элите соответствует высокая культура, а массам, неспособным к творчеству — воинствующее бескультурье, ибо «масса — это посредственность». Позиция заносчивая и в оценочной части крайне эмоциональная. Но философ сформулировал проблему «восстания масс» и появления тотальной массовой культуры. Это ценно.

Мировая массовая культура неоднородна, хотя на неё влияют общие глобальные процессы. Западная Европа к середине XX в. подпала

под мощное влияние «голивудских» образцов. В нашей стране XX век прошёл под знаком строительства социализма. Особенности советской массовой культуры формировались в условиях небывалого социального эксперимента. Наши исследователи долгое время не отделяли советский «масскульт» от огромной и монолитной советской культуры. А западную массовую культуру нещадно и во многом обоснованно критиковали. «Паразитируя на открытиях высокого искусства, выхолащивая, разменивая и используя их в своих интересах, буржуазная массовая культура одновременно соревнуется с ним в борьбе за влияние на сознание людей во всех концах света, трансформируется и расширяется путём использования технических нововведений в средствах культурной коммуникации, претендует стать одним из решающих факторов современности», — такую строгую оценку дал ей авторитетный советский исследователь Александр Кукаркин [2]. Ему вторит Богомил Райнов, замечательный болгарский писатель и исследователь: «Массовая культура — это производство псевдохудожественного продукта в соответствии с определёнными стандартами и требованиями определённого воздействия. И именно потому, что она не творчество, а производство, массовая культура легко подчиняется шаблонной идейной и технологической программе. Это не только псевдоискусство, но и псевдокультура, потому что она не содержит художественных открытий, не несёт подлинному глубоких знаний о действительности» [3].

При этом многие наши политики, писатели, кинематографисты адекватно оценивали вызовы времени и понимали, что в XX веке необходимо вести диалог с миллионами. Понимали, что массовую аудиторию следует уважать — ведь народные массы, в соответствии с постулатами марксизма, считались творцами истории, а в век техники эта закономерность проявляется с особенной силой.

Понятие «массовая культура» ассоциировалось с западной реальностью, но социалистический масскульт в СССР создавали энергично и изобретательно. Хотя и избегали такой терминологии.

* * *

Советская массовая культура стала феноменом международного значения. Её наработки повлияли на развитие искусства и технологий не только в нашей стране. Особая тема — её влияние на культуру стран социализма. В Китайской Народной Республике и сегодня советская основа ощущается во многих сферах жизни, преломляется она и в культуре. Мы мало знаем о Китае — о главном экономическом и политическом партнёре современной России — и, как правило, не пытаемся разобраться в особенностях его политической и бытовой культуры. Это опрометчивая позиция. Понять нашего великого соседа, постичь историю наших взаимоотношений без песни Вано Мурадели «Москва — Пекин», без истории балета «Красный мак» — почти невозможно. А уж современная российская массовая культура без наработок XX века и вовсе непредставима.

Ключевые произведения тогдашней популярной литературы, кинематографии, теле- и радиопостановок — это настоящий клад крылатых выражений, в которых — ключи к пониманию нашей истории, нашего характера. Кто не понимает, не считывает эти коды — тот навсегда останется «в родной стране чужестранцем» и вряд ли сможет свободно ориентироваться в зарослях и лабиринтах современной и завтрашней российской цивилизации. Это не просто украшение речи. Это язык, на котором мы мыслим и говорим, юмор, патетика, система ценностей, знак причастности к определённой общности. Этот язык полезно знать в совершенстве. Он не только поможет школьнику приобрести к культуре отцов, дедушек и прадедушек (что само по себе полезно), но и станет важным дополнением к программе любой гуманитарной дисциплины. Изучение образ-

цов массовой культуры в школе неизбежно. Мы видим, что уже сегодня в школу приходит наследие советского кино — различных жанров. Но необходимо и специфическое знание о массовой культуре.

По воспоминаниям фронтовиков, в походах, в минуты отдыха, они отводили душу в своеобразной словесной игре. Кто сколько раз ходил на «Чапаева»? А на «Путёвку в жизнь»? На «Мы из Кронштадта», на «Петра Первого»? Счёт шёл на десятки. А потом соревновались, подбрасывая друг другу знакомые реплики: кто сможет точнее продолжить монологи героев Михаила Жарова, Бориса Чиркова или Бориса Бабочкина... Если бы в нашей стране к тому времени не сформировалась суверенная и яркая массовая культура, способная объединить народ, — путь к Победе 1945 года был бы извилистее.

Не имея представлений об основных пластах массовой культуры, мы упускаем из вида и всю историю XX века. Уроки истории — не только в архивной пыли, где хранятся документы государственной важности. Не менее важны вкусы широких народных масс, их мироощущение, социальная мифология. И, например, выход в свет книги, фильма или песни в условиях XX века становится первостепенным событием — ничуть не меньшим, чем заключение международного договора или выпуск нового самолёта. Иосифу Сталину приписывают слова: «Хорошая кинокартина стоит дивизии». В XXI в. эта тенденция только усугубилась.

После распада Советского Союза и социалистической системы прошло около 30 лет. Но образцы советской массовой культуры остаются в нашей стране основополагающими «брендами». И не только из-за ностальгии, но и в силу таланта и профессионализма писателей, актёров, спортсменов, которые сформировали этот феномен. А ещё потому, что это искусство создавалось в нужное время в нужном месте и тесно переплелось с великими

событиями нашей истории. Без подробного исторического контекста наш обзор не был бы осмысленным. «Удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха», — сказал по схожему поводу поэт Леонид Мартынов. Этот образ применим ко всему XX веку, который из нашего времени воспринимается как время героическое и трагическое. Без погружения в искусство, которое сопровождало и пронизывало эпоху, которое было по-настоящему массовым и влиятельным, нам не понять этого времени. Не менее важен и широкий историко-культурный контекст, от Голливуда до Болливуда. Несмотря на железный занавес, жанры массовой культуры всегда развивались в режиме взаимного влияния «шпионов, пришедших с холода». Тенденции мировой моды преломлялись в советской реальности, а на Западе учились у Советского Союза. Учились умению общаться с массами уважительно и результативно.

О культуре нашего XX века в последние десятилетия принято судить с помощью прямолинейных стереотипов. В соответствии с ними вся советская история — это торжество тоталитаризма, а для радикальных консерваторов — и вовсе ад на земле. Это взгляд прямолинейный и необъективный. Его нам навязывают искусственно, с корыстными, политическими целями. Подчас мы сами придумываем миф о старом тоталитаризме и сами удивляемся потом, когда к нам относятся как ко «второму сорту»... Но достаточно бегло вспомнить образы, которые были ключевыми для советского искусства, чтобы понять, что истина сложнее и многообразнее.

В основе советской культуры стоял принцип, сформулированный основателем СССР. Помните? «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято <...> массами и любимыми ими», — утверждал В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин. Здесь заявлено основное противоречие и отличительная особенность советской массовой культуры: она была в большей степени просветительской, нежели коммерческой. С одной стороны, авторы, работавшие в массовых жанрах, ориентировались на интересы широкого читателя, зрителя, болельщика и приноравливались к расхожим вкусам. Это

стремление отчасти поддерживалось государством, ставившим народность куда выше элитарности. С другой стороны, социалистическое государство никогда не забывало о своей просветительской функции и стремилось привить массам не только свою идеологию, но и представления о высоком искусстве. Грань между массовой и высокой культурой в условиях государственной экономики проявлялась не так ярко, как на Западе. И всё-таки она существовала, и в СССР на свой лад развивались все жанры массового искусства, кроме порнографических. В этом сочетании упрощённости и основательности — одна из самобытных черт советской массовой культуры, её диалектическое зерно.

При этом по традиции, сложившейся в России ещё в XIX в., критики и исследователи относились к лёгкому жанру не без высокомерия. Долгое время считалось, что термин «массовая (популярная) культура» вообще не подходит для советской реальности. Наша страна, за редкими исключениями, не была связана с монополиями и, соответственно, с их рекламой. Перед творцами советской массовой культуры не стояла задача любой ценой выжимать из собственной продукции барыш. И всё-таки перед производителями фильмов, книг и детских игрушек, перед организаторами футбольных чемпионатов стояла задача достижения и поддержания рентабельности. Как говорил герой (правда, отрицательный) одного популярного фильма, «деньги, товарищи, пока никто не отменял». В нашей стране существовали и бурно развивались развлекательные жанры в литературе, в кино, в театре. Заявило о себе и набирало обороты эстрадное искусство.

Ещё в первые годы существования СССР «отцы-основатели» советской культуры (Демьян Бедный, Владимир Маяковский, Сергей Эйзенштейн) доказали своё умение создавать произведения, рассчитанные на массовый

резонанс. Мастера масскульта 1920-х гг. учились у классиков, у тех, кто задавал тон и брал высокую ноту, — в первую очередь у Максима Горького. Постепенно сложился отечественный канон массовой культуры, наследие, манкировать которым сложно. Есть шедевры жанра, есть конвейерная продукция хорошего среднего уровня, а есть морально устаревшие образцы, которые тем не менее достойны исследования как знаковое явление времени.

Особого исследования требует система ценностей, царившая в нашей стране в XX в. Конституция СССР 1977 года гласила: «Это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоёв, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ».

Корни советских ценностей — в важнейших архетипах мировой истории, литературы и фольклора. Творцы и потребители советской культуры были за Прометея, а не за Зевса, за Спартака, а не за Красса, за Микулу Селяниновича, а не за князя Вольгу, за Робин Гуда, а не за шерифа Ноттингемского, за Фигаро, а не за графа Альмавиву, за Ходжу Насреддина, а не за бухарского эмира, за Герасима, а не за барыню. А ещё все бунтари мира — от Терсита до Хоакина Мурьеты — были нашими союзниками. Таковы основы прометеевой цивилизации с её девизом, который сформулировал герой сказки Валерия Медведева: «Я хочу навеки быть человеком!». Верой в прогресс и в человека, в его неограниченные возможности пронизано всё наше искусство XX века. Это неопровержимо. Интерпретации этих архетипов можно встретить в любом образце советской культуры, у которой имела магистральная задача, какую не скрывали её идеологи — изменить к лучшему мир и человека, усовершенствовать реальность. В том числе — с помощью книг, фильмов, картин. И неизвест-

но, кто в этом университете играл более важную роль — классики и основоположники или авторы незамысловатых песенок, которые с полуслова узнавал каждый школьник. Лёгкий жанр, пришедшийся ко двору, оказался весомым, несмотря на презрение высоколобой аудитории.

Эту стихию невозможно осмыслить, не рассмотрев характерный для советской эпохи идеал «простого человека», честного трудящегося, который считался и солью земли и, по выражению И. В. Сталина, «винтиком», который становится важным слагаемым наших побед. Он был и героем, и потребителем большинства интересующих нас книг, песен и фильмов. Никогда ни в дореволюционной России, ни в массовой культуре буржуазных стран такого героя не было.

Простота и демократизм не означали примитивность, но подразумевали отказ от фальшивых «мещанских» ценностей. И тут мы подступаем к ещё одному важному противоречию. Коммунистическое воспитание должно было поднять нас до сознательного самоограничения. В то же время основной задачей государства считалось повышение уровня жизни трудящихся. А это неминуемо приводило к оправданию многих явлений, которые в годы революционного радикализма считались махровым мещанством. Простой пример: в 1920-е гг. галстук считался пережитком старого быта, а бабочку и вовсе можно было встретить только в шаржах на толстопузых капиталистов. Комсомол находился на переднем крае борьбы с бабочками, фраками и всем, что связано с этим буржуазным франтовством. А в 1970-е гг. никого не удивляли эстрадные певцы, воспевавшие «любовь, комсомол и весну» во фраках и при бабочках. Диалектика! Эволюция!

Одна из примет нынешней русской культуры — ностальгия по XX веку. Даже иные сатирические мотивы того времени сегодня воспринимаются как сигнал из некой славной, но утраченной цивилизации.

*Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей! —*

пел Юрий Визбор не без сарказма. Но прошли десятилетия, и оказалось, что великие стройки и ракетные прорывы — это достижения, которыми следует гордиться и не по разнарядке. А наши достижения в области балета в контексте этой песни — самая что ни на есть массовая культура, без которой, как говорится совсем в другой песне, «и не туды, и не сюды». И в наше время эти сатирические строки часто воспринимают как гимн тому времени.

В СССР была создана полноценная, своеобразная, суверенная массовая культура мирового уровня, предлагавшая собственный взгляд

на мир — и в пропаганде, и в кинематографе, и в литературе, и в спортивной индустрии... И при этом — «всё понятно, всё на русском языке».

Это очень важно, чтобы страна обладала суверенной массовой культурой. Со сказками на родном языке, с песнями, с мотивами, основанными на местном, незаёмном фольклоре. Чтобы появлялись свои гениальные сыщики, свои очаровательные плуты, поставляющие шутки для нескольких поколений, свои сказочные герои... Всё это было у советского человека, всё это окружало и формировало его. И это одно из привычных, не слишком заметных, но важнейших достижений советской цивилизации. **НО**

Список использованных источников

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. Перевод А. М. Гелескула. 1991 г.
2. *Кукаркин, А. В.* Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес / А. В. Кукаркин. М.: Политиздат, 1985. 399 с.
3. *Райнов, Б.* Массовая культура / Б. Райнов. М.: Прогресс, 1979. 488 с.

Soviet Mass Culture. Sovereignty And Nationality

Arseniy A. Zamostyanov, Deputy Editor-in-Chief of the magazine "Historian", Candidate of Philological Sciences, Moscow

Abstract: One of the key features of Soviet civilization is the simultaneous development of high, educational and mass culture. The author believes that without the development of the latter in modern society, it is impossible to achieve cultural sovereignty. Studying samples of Soviet mass culture at school is an urgent task. Without attention to this matter, we will not be able to fully study either the history or literature of the twentieth century.

Keywords: mass culture, cultural identity, connection of generations, history of the USSR, mass values, Soviet civilization.

References

1. *Ortega-i-Gasset, H.* Vosstanie mass / H. Ortega-i-Gasset. Perevod A. M. Geleskula. 1991 g.
2. *Kukarkin, A. V.* Burzhnaznaya massovaya kul'tura: Teorii. Idei. Raznovidnosti. Obrazcy. Tekhnika. Biznes / A. V. Kukarkin. M.: Politizdat, 1985. 399 s.
3. *Rajnov, B.* Massovaya kul'tura / B. Rajnov. M.: Progress, 1979. 488 s.